

№136
от 10 сентября 2004 года

В ПРОИГРАННОЙ ВОЙНЕ
СОПРОТИВЛЯЙСЯ
ДО КОНЦА

SNUP
INC
& CO

ЖИЗНЬ КАК ЧУДО

Главная русская панк-группа «Гражданская оборона» не выпускала пластинок ровно восемь лет (если не считать диск-трибьют с советскими песнями «Звездопад»). 10 сентября «ГО» нарушает молчание: в этот день в продажу поступит пластинка «Долгая счастливая жизнь» – первая часть большого нового альбома. **Максим Семеляк** встретился с лидером «Гражданской обороны» Егором Летовым в маленьком московском кафе и расспросил его о смысле долгой счастливой жизни, а Сергей Снурник, Сергей Максимов и Максим Балабин нарисовали по плакату для главной панк-группы страны.

Вы знаете, что такое «Долгая счастливая жизнь»?

– Нет.

– Так назывался последний сценарий Шпаликова, после которого он повесился.

– Вот это да. Ох... Это, может быть, даже... Это же фильм был такой, ну да, конечно! Кузьма (экс-гитарист «ГО» Константин Рябинов. – *Прим. ред.*) говорил в каком-то интервью, что у нас все творчество насквозь кинематографично, – так что это, видимо, из подсознания как-то...

– «Долгая счастливая жизнь» – это только первая часть большого альбома?

– По сути, это единый альбом, состоящий из двух частей. Это как бы определенные сны о войне, сны человека, который находится в состоянии постоянной войны. Впоследствии, когда альбом стал разрастаться, вещи примерно к четырнадцатой-пятнадцатой, концепция несколько изменилась. Получилось так, что альбом стал представлять собой одну длинную песню, состоящую из маленьких кусочков. Это 28 состояний человека, который, по концепции Станислава Грофа, спрыгнул, но еще не приземлился. Находится на третьей стадии рождения. Который родился, но еще как бы не вышел в реальность. И выходит в нее. И тут начинается огромное количество попыток выхода обратно, попыток вернуться, попыток идти вперед, стойчески преодолеть, делать вид, что все здорово, что победили. Как на альбомах «Солнцеворот» и «Невыносимая легкость бытия» – самых трагических наших альбомах. Я считаю, что все, что я делал в течение жизни, максимально реализовалось именно в «ДСЖ». Ну и параллельно это выразилось в музыкальной части. Огромное количество всевозможных вещей – какие-то цитатные намеки на The Beatles, серф есть, веселые всякие вещи, стихи, огромное количество самоцитирования, собственно говоря.

– А что это вообще такое – долгая счастливая жизнь? Откуда такой образ?

– Песня, да и вообще образ, возникла после очередного посещения реанима-

ции. В некий момент представилось, что однажды так случится, что станет физически, жизненно невозможно принимать, скажем так, вещества, способные изменять, расширять сознание, – а это, по-моему, вообще необходимая составляющая настоящего рок-н-ролла. Вот. И если возникает такое – то что дальше? Когда праздников нет. Тогда – Долгая Счастливая Жизнь. Каждому из нас. Навеки и навсегда.

– Вот это да, никогда бы не подумал.

– Это одна из самых мрачных моих песен, если не считать «Реанимации» – пожалуй, самого страшного нашего опуса, рожденного в ситуации, когда я лежал под капельницей в одноименном учреждении, а вокруг меня время от времени тривиально умирали люди – самоубийцы, передозники и проч. А я спешно записывал в блокнот обрывки их предсмертных бредовых речей – самую чудовищную, неистовую, невероятную поэзию, с которой мне довелось сталкиваться в этой жизни. Одних выносили, других заносили – а я записывал. В таком мглистом сумраке палаты. Собственно говоря, вторая часть альбома называется «Реанимация», и это соответствует действительности, потому что очень часто приходилось находиться в реанимации в это время – столько не было никогда. Вплоть до выхода из тела и таких всяких вещей. То есть сделано максимально возможное. Доведение человека до состояния критического. Даже не самоубийство, а то, где уже начинается бардо, смерть. В этих состояниях люди ведут себя по-разному. В этом состоянии, собственно говоря, и написано большинство этих песен. Я боюсь, что это, может быть, вообще последняя моя работа в этом поле. Потому что дальше, может быть, физически уже не потяну. Столько физических тягот я не выносил еще ни разу во время записи и во время сочинения особенно. Полтора года ушло на невиданное... то, что называется прыг-скок. У Введенского было такое понятие «опуподы» – опускаться-подниматься... Кстати, все, что касается моего понимания Правильного творчества, Правильного бытия, исчерпывающе содержится в книжке Макнилы и Маккейн «Прошу, убей ме-

ня (Подлинная история панк-рока в рассказах участников)». Это вообще лучшая книга о рок-н-ролле, лучшее из всего, что я читал за последние 15 лет. По-моему – обязательная настольная книга для всех Наших.

– Почему вы назвали «Солнцеворот» самым трагичным альбомом?

– «Солнцеворот» – это нечто, конечно. Это, в принципе, тупиковый момент нашего бытия, но тупиковый в правильном смысле. Любой предел – это тупиковый момент, из него нужно выбираться, потому что если там оставаться, то так и будешь до конца жизни повторяться.

– А как этого избежать?

– Ну мне как-то хватает, видимо, чувства юмора каждый раз выворачиваться и дальше вперед идти немножко обходным путем. Я думаю, что народ до сих пор не очень себе представляет, для чего, например, сочинена песня «Родина», что она собой являет.

– Что же?

– Это одна из самых трагических песен, которые я сочинил. Песня про то, как поднимается с колен родина, которой, собственно говоря, и нет, которая не то что поднимается с колен, а увязает в невиданной жопе все глубже, и туже, и безысходнее. И при этом петь о том, как родина подымается, – это очень мощно. Эти альбомы – «Солнцеворот», «Невыносимая легкость бытия», – они сочинены после событий 1993 года, октября, когда, собственно говоря, реально восторжествовал... не то что восторжествовал – а, я считаю, было на весь мир показано, что такое есть вот наш, русский экзистенциализм. Когда горстка отстреливалась, по ним там били из танков, а все думали, что победим. Альбомы, собственно говоря, про это: когда человек полностью проиграл – и он поет, как он победил, и побеждает. Народ, как мне кажется, так до сих пор и не понимает ничего. Эти альбомы и записаны, соответственно, с таким звуком, который ни на что не похож. Он и не должен быть ни на что похож! Мы сделали такую стену звука, которую так никто и не расщупал. Потому что такого звука, собственно говоря, нет ни у одной команды в мире. Я вообще предпочитаю вещи, кото-

«Я спешно записывал в блокнот обрывки их предсмертных бредовых речей»

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

Гражданская

Оборона

Я ВСЕГДА БУДУ
ПРОТИВ

рым аналогов в мире нет. Мы слушаем всяких там японцев, очень странные команды, перуанцев, греков, чехов и вообще то, что само по себе ни на что не похоже или стремится к этому.

– **Кого, например?**

– Acid Mothers Temple, Mainliner, Les Reines Prochaines, Reynolds, Green Milk from the Planet Orange, Marshmallow Overcoat, Baal, Toro Sara. Много.

– **Возвращаясь к «Родине». Интересно, что самая, в сущности, конкретная песня «Гражданской обороны» в результате оказалась самой же и загадочной.**

– Да. Тем более это было сочинено в тот момент, когда считалось, что можно каким-то конкретным образом влиять, вот в чем дело.

– **А сейчас?**

– Сейчас я так не считаю. Потому что есть какие-то законы эволюционные – вот в последних альбомах ряд вещей именно про это. Допустим, «Небо, как кофе».

– **Я не слышал.**

– Ведь никто не возвратился оттуда объяснить наш щемящий отчаянный свет – значит, злые пузыри и небо, как кофе. Ведь никто не возвратился оттуда оправдать наш безобразный оскаленный стыд – значит, лишь дрянные костыли и небо, как кофе. Ведь никто не возвратился оттуда, чтоб унять наш коренной вопросительный страх, – остаются только желуди и небо, как кофе. Такая песня. Чем дальше я, в принципе, живу и смотрю вокруг себя, тем больше понимаю, что личность человека – я банальные вещи сейчас говорю – не просто не значит ничего, а об этом даже думать не стоит, я считаю. Происходят определенные эволюционные процессы. Эволюция к человеку не имеет никакого отношения. И вообще, все, что происходит, до такой степени непонятно и невнятно, что об этом рассуждать можно, только – я не знаю – если очень глубоко и сильно умереть или на определенном этапе практики ЛСД. А иначе... Я по сей причине, собственно, и интервью перестал давать, и с людьми общаться, потому что не о чем говорить. Бессмысленно. Для того чтобы говорить о каких-то вещах, нужно находиться где-то уже там. Либо про-

«Я считаю, что мы лучшая группа в стране, однозначно. И были, и надолго останемся»

сто видеть сразу огромное количество всяких вещей, которые происходят одновременно, и исходя из этого делать какие-то выводы. А это на самом деле занятие дурацкое, я считаю. Просто когда видишь какую-то картинку, движущуюся онлайн, то из этого выводов никаких и быть не может. Есть эта картинка, которая сама по себе вывод, собственно говоря.

– **Как вы вообще стали таким, каков есть? Как вы стали Егором Летовым?**

– Что в жизни со мной происходило, это такая череда иррациональных всплесков. Я не могу сказать, что я, например, автор сам себя. Единственное, что я сделал, это привел в какой-то порядок все то иррациональное, что происходило со мной.

– **А зачем вообще нужен порядок?**

– Для того, чтобы из этого сделать что-то понятное другим. Если бы я этого не делал, я бы ничего не сочинял, а просто пережевывал бы внутри себя то, что со мной происходит, и двигался бы дальше каким-то своим личным путем.

Лет в шестнадцать у меня были такие вещи – я их называю озарения. Со мной постоянно происходили какие-то депрессии, всплески какой-то радости. Я находился внутри себя – как бы в большой зеркальной комнате, где были только одни мои личные отражения. Это сопровождалось время от времени чудовищными упадками духа и попытками все это разрушить, вернуться обратно: самоубийство или просто забыться – словом, вернуться в первоначальное какое-то состояние. И когда я реально дошел до этого состояния, со мной случилась очень странная вещь. Я однажды посмотрел на себя несколько со стороны. И понял, что я – это огромное количество очень конкретных частных представлений о том, как оно все есть. Они выглядят как ворох грязного тряпья, какой-то одежды, каких-то салфеток, разноцветные тряпочки, разноцветные стеклышки...

– **Новая песня – «Множество» – про это?**

– Да. И я взял все это внутри себя, поднял, вышел на кухню, посмотрел – а у меня стол такой голубой, как небо, – и я взял в голову весь этот ворох и швырнул куда-то в синеву. И в этот момент со мной произошло нечто. Я был совер-

шенно трезвый, я никогда в то время не пил ничего, не употреблял. У меня открылся внутри душераздирающий глобальный поток. Впечатление было такое, что я стал не личностью, а стал всем миром. И сквозь меня, сквозь то, что я представлял как живой человек во времени, – а это такой отрезок маленькой трубы, – пытается прорваться со страшным напряжением, представляешь, весь мир. Огромный поток, а я его торможу. Меня разрывало на части, я вышел на улицу, там плакал просто. Я видел, как лист с дерева падает очень долго, как муравьи ползают, как дети копошатся, как качели скрипят, как там дедушка на велосипеде едет. Я одновременно видел это все. И видел в этом всем не просто закономерность, а глобальную какую-то картинку. И было совершенно явственно, что именно так все и должно быть. Не просто должно, а это движение, какая-то глобальная космическая... не то что игра... какие-то шахматы. Не знаю, у меня нет слов для этого. И не может быть слов на человеческом языке. Время остановилось, это очень напоминает элэдэшное состояние или смерть. Оно сжималось, сжималось, в некий момент почти остановилось. Не знаю, как это объяснить. Было одновременно чудовищное мучение и состояние экстаза глобального. Я понимал все. Я шел – и был какой-то частью всего в целом. И одновременно был каждой частью, на что я обращал внимание. Потом это прекратилось, но очень долго во мне оставалось. Такие состояния были еще и еще какое-то время, но все меньше. Я понял, в какую сторону двигаться после этого. И что я делаю, собственно говоря, здесь. Вот с тех пор я это все и делаю.

– **И насколько высоко вы оцениваете собственную деятельность?**

– Я считаю, что «Гражданская оборона» – это единственная психоделическая команда на периметре нашей страны, которая делает настоящий психоделический гаражный панк. Я считаю, что мы лучшая группа в стране, однозначно. И были, и надолго останемся, потому что даже и альтернатив нет, и сравнивать не с кем. И народ это отлично зна-

Мне и приятно, и грустно, что мы сделали какую-то очередную веху – и надо двигаться опять же дальше. Что (*усмехается*) грустно. Потому что уже, в общем-то, сорок лет, а то, что мы делаем, тяжело и невыносимо. С другой стороны, все это продолжается. Пошлое сравнение Гребенщикова: «Где та молодая шпана?» Ее нет. Да и не будет.

– **Может, и бог с ней?**

– Бог с ней, но все равно, честно говоря, грустно. Это означает, что мы несем на себе бремя эволюции, авангарда. Мы, со-рокалетние, как начали, так все это на себе и несем. Нет общего потока, кто бы нас там обгонял. Мне грустно, что на глазах это все распалось и закончилось. Но для этого есть конкретные объективные причины. Не потянули. Приходится одному идти и делать. Это не очень приятное ощущение – быть каким-то авангардистом. Я гораздо комфортнее чувствовал бы себя – ну если как в футболе – не нападающим, а каким-то опорным полузащитником, чтобы от меня никто не ожидал голов. А так приходится отрабатывать в нападении. Причем все требуют: голов, голов, голов. Ну вот вам голы.

– **А вы за кого болели на чемпионате Европы?**

– Для профессиональных болельщиков я натуральный «кузьмич». То есть у меня нет какой-то одной команды, за которую я бы болел при любых обстоятельствах «по жизни». Для меня футбол – это такой вид экстремального искусства навроде рок-н-ролла. Никакой это не спорт. Кроме того, надо сказать, что все, что интересует меня в жизни, – это необъяснимые, невообразимые вещи. То, что за гранью. То, что взрывает самым наглым, агрессивным способом правила, устои, обряды, системы, каноны, законы, всяческие инерции – проявления смерти. Поэтому я всегда и болею за команды, которые способны преподнести и преподносят подобные подарки «реализму действительной жизни». В данном случае порадовался за Грецию. Вообще, победу греков я считаю гениально удачной концептуальной акцией, которая нежданно-негаданно отстояла «проигранное дело поэзии», причем по-

«Хотя если бы на месте греков оказалась Латвия – было бы еще лучше»

немецки рационально и прагматично. Хотя если бы на месте греков оказалась Латвия – было бы еще лучше.

– **У вас репутация, скажем так, не самого приветливого человека. Вам, вообще говоря, не тяжело среди людей?**

– Я когда начинал сочинять и вообще, собственно говоря, жить – я слушал Shocking Blue, Led Zeppelin. Братец привозил из Новосибирска. Ну Битлов, разумеется. Ну я книжки читал. Тогда со мной что-то такое произошло... В некий момент я понял, что либо идти с массой людей, то есть жить в этом комплекте людского общения, быть человеком, собственно говоря. Либо ты от этого уходишь – и тогда добиваешься того, сего. Это просто правила такие. Но ты платишь за это определенным... одиночеством. Лет по десять так. Для меня даже сомнений не было. Не то что выбора не было, а даже вопрос не стоял. Потому что для меня определенные вещи просто с детства были важнее. Мне, например, было важнее – то ли я родился таким, то ли я вообще какой-то нечеловек, – но запах земли у меня столько рождал всегда... Или когда солнце садится. Когда я по лесу ходил. Это было для меня всегда гораздо важнее, чем какие-то человеческие общения, чем всякая вот эта гомозня вокруг меня, городская. Я ее не боюсь, и не утомляет она меня. Она просто меня не очень интересует. Ну не затрагивает она меня. Я и без этого комфортно живу и отлично себя чувствую. Ну не реальность это для меня. Так, пустяки, что ли. Чепуха. Жизнь проходит не тут. И по сей причине я сразу поставил определенную такую вещь... как обращение к этим силам... Богу... я уж не знаю кому... я вот в последнее время говорю про цивилизацию и эволюцию. Вот этой силе эволюции я и согласен за все платить. Согласен платить всем. Вообще всем. Вот у меня песня «Любо, братцы, любо» про танк. (Речь идет о редком варианте «Любо, братцы, любо», который появится на альбоме «Реанимация». – *Прим. ред.*) Это в определенном смысле невиданной мощи вещь, вот она про это все. Поэтому, видимо, вокруг нас люди мрут, а нас обвиняют, что мы не умираем. А мы не умираем. Мы не умрем. Я вообще считаю, что я заслужил уже. Я так себя чувствую... таким вечным.

То есть я бессмертный человек. Но за это платится определенными вещами. И в будущем будет платиться. Просто сейчас я не представляю, чем можно еще платить, что будет дальше. Потому что нагрузка идет все сильнее и сильнее. А путь все равно все интереснее и интереснее, собственно говоря. Как там в «Алисе» сказано? Все ужаснее и ужаснее?

– **Все страньше и страньше.**

– Вот-вот. Я не знаю, мне это нравится. Единственное, я боюсь старости – с точки зрения энергии и прочих таких вещей. Потому что силы... Мне бы сейчас силы молодости, я бы просто столько еще наделал! А сейчас мы уже такие... Начинаются уже болячки. Но это путь такой, правила игры. Мы играем, хорошо играем, я доволен. Самое печальное, что не возникает компании в этом пути, вот в чем дело. На определенном этапе, году в 87-м, до девяностых, была все-таки волна музыкантов и людей. Каким-то образом – то ли по молодости – они были близки по способности, допустим, платить. Платить за то, что получается. По разным причинам они сошли с дистанции. Отказались платить в силу семейных отношений, ну каких-то там, я не знаю... А новых не появляется. А сейчас тем более. Сейчас поколение, которое идет, оно не то что потребительское, оно вообще... просто дармоеды какие-то. Я не вижу каких-то лютых ярких людей. В той же Японии они есть почему-то. Или в Штатах.

– **А почему они там есть?**

– Непонятно. Может, для того чтобы что-то сделать самостоятельное и настоятельное, нужна невиданная диктатура, причем внешняя, на которую нужно реагировать. Бог его знает. У меня внешний толчок, конечно, был оттуда. Но внутренний не оттуда. Я не могу сказать, что я какой-то политический музыкант. Мне всегда было, по большому счету, на все насрать глубоко, на все эти политические реалии, на все, что творится. Просто они олицетворяли собой определенный, как бы это сказать, тоталитаризм – причем не человеческий, а вообще, жизненный. Потому что то, что из себя представляет жизнь, – это, собственно говоря, самое страшное и есть. **THE END**